

Квартеронка

Автор:

Майн Рид

КВАРТЕРОНКА

Майн Рид

«Квартеронка» – произведение классика английской приключенческой литературы Т. М. Рида (1818 – 1883).*** Роман написан в 1856 году. Это один из лучших романов автора, в котором дана широкая картина жизни Юга Соединенных Штатов Америки в период рабовладения. Рабовладельческий уклад жизни препятствует любви героев, заставляет их искать спасения в бегстве от несправедливости. Но и само это бегство полно опасностей. Перу Рида принадлежит и такое произведение как «Молодые невольники».

Томас Майн Рид

КВАРТЕРОНКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ОТЪЕЗД

Как все юноши, вырвавшиеся из школы, я уже не был счастлив дома. Жажда к путешествиям томила меня, мне горячо хотелось познакомиться с тем светом, который был мне еще известен только из книг.

Желание мое скоро исполнилось; и без малейшего вздоха смотрел я как исчезали холмы моего родной земли за торными волнами – и не заботился, увижу ли я их опять.

Хотя я вышел из стен классической школы, я вовсе не отличался сочувствием к классическому. Десять лет, проведенных над дикими гиперболами Гомера, механическими стихотворениями Вергилия и сухими грубостями Горация Флакка, не наделили меня пониманием той классической красоты, которую чувствует – истинно или притворно – учёный в очках. Мое воображение не было создано жить идеальным, или мечтать о прошлом. Я нахожу наслаждение в действительном, положительном и настоящем. Дон-Кохиты могут играть роль трубадуров в разрушившихся замках, а жеманные мисс покрывать землю руководствами. Я со своей стороны не верю романизму давнопрошедшей жизни. В современном Теле я вижу наемщика, готового продать свои дюжие члены какому бы то ни было тирану, а живописный Мадзарони, при ближайшем знакомстве, умалывается до размера самого обыкновенного воришки. В разрушающихся стенах Афин и развалинах Рима, я встречаю негостеприимство и голод. Я не верю, чтобы бедность была живописна. Я не нахожу наслаждения в оборванном романтизме.

А между тем меня вызвала из дому страсть к романическому. Я жаждал поэтического и живописного, потому что находился именно в таких годах, когда воображение наполнено сильнейшею верою в их действительность. Мое воображение еще и теперь не потеряло этой веры. Я теперь старше, но час разочарования еще не наступил для меня – и никогда не наступит. В жизни есть романизм, это не обманчивая мечта. Он живет не в бесплодных формах и ребяческих обрядах модных гостиных. Жилище его в другом месте, среди величественных сцен природы – хотя они не служат ему необходимым аккомпанементом. Он также сроднен полям и лесам, скалам, рекам и горам, как и хорошо протоптанным дорогам торгового города. Жилище его в человеческом сердце – в сердце, которое бьется высокими стремлениями – в груди, которая дышит благородными страстями свободы и любви!

Шаги мои направлены не к классическим берегам, но к землям новой и более могущественной жизни. На запад отправился я отыскивать романизм. Я нашёл его в самой привлекательной его форме, под блестящим небом Луизианы.

В январе 18... я ступил ногою на землю нового света – на место, омоченное английской кровью. Вежливый шкипер, который перевез меня через Атлантический Океан, взял меня в свой гиг. Мне любопытно было осмотреть иоле этого решительного дела, потому что в этом периоде моей жизни я имел склонность к военным подвигам.

С тех пор, как я стоял на этом поле битвы, я участвовал своею шпагою не в одном сражении. То, что было для меня тогда теорией, оправдалось опытностью.

Через час я бродил по улицам Нового Города, уже не думая о военных делах. Размышления мои обратились совсем в другую сторону. Общественная жизнь в новом свете со всей своей свежестью и силой двигалась перед моими глазами, подобно панораме, и, несмотря на мое притязание к *nil admirari*, я не мог не удивляться.

И один из предметов моего удивления, встретивший меня на самом пороге заатлантической жизни – было открытие моей собственной бесполезности. Я мог указать на свое бюро и сказать:

– Тут лежат доказательства моей учёности – лучшие награды, полученные в университете.

Но на что они полезны? Сухие теории, которым я научился, не имели применения к целям действительной жизни. Логика моя была болтовней попугая. Моя классическая учёность заваливала как хлам мой разум; и я так был приготовлен бороться с жизнью, приносить пользу себе или ближним, как будто получил учёную степень в китайской мнемонике.

О, да! Местные профессора, учившие меня синтаксису и скандаванию, вы сочли бы меня неблагодарным, если бы я выразил презрение и негодование, которое тогда чувствовал к вам – тогда как оглядывался на десять лет, истраченных понапрасну под вашим надзором – тогда как в то время, когда я воображал себя ученым человеком, обманчивая мечта моя исчезла и я пробудился к сознанию, что я не знал ничего.

С деньгами в кармане и с весьма немногими познаниями в голове, я бродил по улицам Нового Орлеана, все с возрастающим удивлением.

Через полгода я проходил по этим сильным улицам с весьма небольшим количеством денег в кармане, но с запасом дознаний, значительно увеличившимся. В эти шесть месяцев я приобрел опытность более обширную, нежели в шесть лет моей прежней жизни.

Я заплатил довольно дорого за эту опытность. Мой дорожный капитал растратился в тигле кофейных, театров, маскарадов и «квартирных» балов. Некоторая часть этого капитала была положена в тот банк (фараон), который не дает процентов и не возвращает капитала!

Я почти боялся свести счёт моим деньгам. Наконец принудил себя сделать это и нашёл, расплатившись по счёту в гостинице, что у меня осталось ровно двадцать пять долларов! Двадцать пять долларов на прожитие до тех пор, пока я напишу домой и получу ответ – это продолжится, по крайней мере, три месяца – я и говорю о том времени, когда атлантические пароходы еще не существовали.

Шесть месяцев я грешил. Теперь я раскаивался и желал исправиться. Я даже желал занять какое-нибудь место. Но мое холодное классическое воспитание, не научившее меня беречь кошелек, не могло также помочь мне наполнить его; и во всем этом деловом городе я не мог найти должности, которую был бы способен исполнять!

Без друзей, обескураженный, с отвращением смотря на настоящее и с беспокойством на будущее, бродил я по улицам. Знакомства мои становились реже день ото дня. Я не находил своих знакомых на обычном месте сбора – сборище удовольствий. Куда они исчезли?

В этом не было таинственности. Теперь настала половина июня. Погода сделалась невыносимо знойной, и каждый день ртуть все поднималась выше. Через неделю или две ожидали ежегодной, но незваной гостьи, «жёлтой лихорадки», присутствия которой ровно опасались и старые и молодые, и ужас, внушаемый ею, гнал модный Ново-Орлеанский свет, как перелетных птичек, в северный климат.

Я не мужественнее других людей. Я не имел желаний познакомиться со страшным демоном болот; и мне пришло в голову, что и мне лучше убраться. Для этого стоило только сесть на пароход и переехать в другой город подальше

тропической malaria.

В то время Сен-Луи слыл привлекательным городом, и я решился ехать туда, хотя не знал, как буду жить там, потому что финансов моих только что достало бы на переезд. Уложив мои вещи, я отправился на пароход «Западная Красавица», отплывавший к далекому «Граду Плотин».

Глава II

«ЗАПАДНАЯ КРАСАВИЦА»

Я был на пароходе в назначенное время; но аккуратности на Миссисипском пароходе ожидать нельзя, и мне пришлось ждать, по крайней мере, два часа.

Время это не прошло даром. Я провел его, рассматривая странное судно, на котором я должен был ехать. Я говорю странное, потому что пароходы, ходящие по Миссисипи и впадающим в нее рекам, не похожи на пароходы других стран, даже на те, которые употребляются в атлантических и восточных штатах.

Это просто речные суда и не могут выдержать бурного моря, хотя беспечные владельцы некоторых таковых судов иногда рискуют посылать их вдоль берегов от Нобилия до Гальветсона, Техаса!

Корпус сделан как у морского судна, но разнится с ним материально в глубине. Он так мелок, что для нагрузки немного места, а поверхность главной палубы только на несколько дюймов возвышается над водою. Когда пароход тяжело нагружен, волны захлестывают шкафут. На палубе нагружены тюки с хлопчатой бумагой, бочки с табаком, мешки с пшеницей, вышиной в несколько футов. Это груз парохода, плывущего по течению реки. На возвратном пути, разумеется, товары везутся другого сорта и состоят в утвари и земледельческих орудиях, которые везутся из Бостона; кофе в мешках из Вест-Индии, рисе, сахаре, апельсинах и других произведениях тропического Юга.

На задней части этой палубы есть пространство, определенное для низшего класса путешественников. Это никогда не бывают американцы, а это

земледельцы ирландские, или бедные немецкие эмигранты на пути к далекому северо-западу; остальные негры – свободные или по большей части невольники.

Войдите в каюту, и вы будете поражены новиною сцены. Вы увидите великолепную залу, может стать футов в сто длины, устланную богатым ковром, украшенную щегольской мебелью – дорогими креслами, диванами, столами, с позолоченными стенами, увешанными гравюрами; хрустальным люстры висят с потолка; много дверей, ведущих в каюты, с каждой стороны, и огромная зеркальная дверь закрывает вход в святилище, называемое «дамской каютой»; словом, вы заметите вокруг вас роскошь, к которой, как европейский путешественник, вы не привыкли. Вы только читали подобную сцену в какой-нибудь восточной сказке – у Мэри Монтегю, или в «Арабских ночах».

Иногда все это великолепие печально противоречит обществу, занимающему эту каюту: вас вдруг поразит толстый сапог, протянутый на перекладине щегольского стула, или пятно табачное на богатом ковре! Но это вещи исключительные и еще более теперь, нежели в то время, о котором я пишу.

Рассмотрев внутреннюю постройку «Западной Красавицы», я вышел из каюты на большое открытое пространство, место отдыха для пассажиров мужчин. Это просто продолжение каютной палубы, выдающееся вперед и поддерживаемое столбами, опирающимися на главную нижнюю палубу. Навес закрывает это пространство от дождя и солнца, и низкие железные перила делают его безопасным. Будучи открыто спереди и с обеих сторон, оно позволяет наслаждаться прекрасным видом, а прохладный ветерок, производимый движением парохода, делает это местечко приятным убежищем. Множество стульев доставлено тут для удобства пассажиров и курить позволено.

Тот мало интересуется движениями человеческой жизни, кто не может убить часа в наблюдении над плотиною Нового Орлеана; усевшись и закулив сигару, я намеревался провести час в этом интересном занятии.

Глава III

СОПЕРНИЦЫ

Часть плотины, находившаяся перед моими глазами, известна под названием «пароходной пристани». Десятка два-три судов лежат вдоль деревянной плотины, слегка выдающейся в реку. Некоторые только что воротились из верхних городов и выгружали свои товары и пассажиров, немногочисленных в это время года. Другие, окружённые суетливою толпою, разводили пары; третьи, кажется, были брошены и офицерами и экипажем, без сомнения, в это время наслаждавшимися в блестящих кофейнях и ресторациях.

На плотине было два пункта, где суматоха деятельной жизни была заметнее. Это были пространства над каютами на двух больших пароходах. На одном находился я, другой назывался «Магнолия», как я прочил на носу. Последний также приготавлился к отплытию, судя по движению экипажа, по шипению пара. На пристани прямо против Магнолии сваливали последний груз, пассажиры торопились вперед с картонками в руках, боясь опоздать, чемоданы, ящики, мешки, бочонки тащили и катили по доскам; писаря с книгой и карандашом записывали их; все показывало поспешный отъезд. Совершенно такая же сцена происходила перед «Западной Красавицей».

Оба парохода лежали недалеко один от другого и экипажи, слегка возвысив голос, могли разговаривать между собою. По нескольким фразам, долетавшим до меня, я мог заметить, что «Магнолия» и «Западная Красавица» соперницы. Я скоро собрал дальнейшие сведения, что они отправляются в одно время и что будет «бег»!

Это случалось довольно часто с судами первого разряда, а «Красавица» и «Магнолия» принадлежали к этой категории. Обе были замечательны величиною и великолепием убранства, обе занимались одною и тою же торговлею от Нью-Орлеана до Сен-Луи и обе находились под командою известных и популярных капитанов. Они не могли не быть соперницами, и это чувство разделялось всем экипажем, от капитана до юнги. Что касается владельцев и служащих, то в этом соперничестве затронуты были денежные интересы. Судно, одержавшее победу на скачке, выиграет также будущее покровительство публики. Быстрый на ходу пароход становится модным пароходом и, наверно, приобретет впоследствии большее количество пассажиров по высшей цене – в американцах существует та особенность, что многие из них истратят последний доллар, только бы сказать в конце своего путешествия, что приехали на, модном пароходе, так как в Англии вы найдете многих желающих сделать известным, что они путешествовали в «первоклассных вагонах». Снобы не принадлежат исключительно одной стране – они находятся повсюду.

Относительно предстоящего испытания в быстроте между «Западной Красавицей» и «Магнолией» чувство соперничества преобладало не только в экипажах обоих пароходов, но я скоро заметил, что и пассажиры были заражены им. Некоторые, без сомнения, видели в этом спортсменство и повод к сильным ощущениям, но большая часть держала пари.

– Красавица выиграет! – вскричал за моим плечом человек пошлой наружности. – Держу двадцать долларов за Красавицу! Хотите держать пари?

– Нет, – отвечал я сердито, потому что этот человек позволил себе положить руку на мое плечо.

– Ну! как вам угодно! – сказал он и, обратившись к кому-то другому, продолжал, – держу двадцать долларов за Красавицу! Двадцать долларов за Красавицу!

Признаюсь, в эту минуту мои размышления были не очень приятны. Это была моя первая поездка на американском пароходе и память моя была наполнена рассказами о несчастных приключениях, которые нередко случаются на этих скачках.

Многие пассажиры – более степенные – разделяли мои опасения, и некоторые собирались просить капитана не допускать скачки. Но они были в меньшем числе и потому молчали.

Я, однако, решился спросить капитана об «его намерениях». Меня побуждало скорее любопытство, нежели другая причина. Я встал со своего места и прямо пошёл к пристани, где стоял капитан.

Глава IV

ПРИЯТНАЯ СПУТНИЦА

Прежде чем я вступил в разговор с капитаном, я увидел коляску, приближавшуюся с противоположной стороны, из Французского квартала

города. Это был прекрасный экипаж, со щегольски одетым кучером-негром, и в этом экипаже сидела молодая и нарядная дама.

Не знаю почему, но я возымел предчувствие, сопровождаемое, может статься, безмолвным желанием, чтобы сидевшая в коляске была нашей спутницей. Скоро я узнал, что таково было ее намерение.

Коляска подъехала к плотине, и я увидел, что дама спросила что-то у прохожего, который немедленно указал на нашего капитана. Последний, приметив, что о нем спрашивают, подошёл к экипажу, и поклонился даме. Я стоял так близко, что каждое слово долетало до меня.

– Вы капитан Западной Красавицы?

Дама говорила по-французски. Капитан научился этому языку в своих сношениях с креолами.

– Я, – отвечал он.

– Я желаю ехать на вашем пароходе.

– Очень буду рад. Кажется, еще осталась одна каюта, мистер Шилли? – обратился капитан к писарю.

– Если и нет каюты, не беда, – перебила дама, – вы доедете до моей плантации до полночи, я не буду спать на пароходе.

Слово плантация, очевидно, произвело эффект на капитана. Он и по природе был человек негрубый, а слово это сделало его еще более внимательным и вежливым. С владельцем Луизианской плантации нельзя обращаться небрежно, но когда вместо владельца молодая и прелестная владетельница, кто может быть не любезен? Уж конечно не капитан Западной Красавицы! Самое название парохода опровергало предположение!

Приятно улыбнувшись, капитан спросил, где он должен высадить свою прекрасную пассажирку.

– В Бренжье, – отвечала дама. – Моя плантация несколько далее, но наша пристань нехороша; притом со мною груз, который надо оставить в Бренжье.

Дама указала на подводы, нагруженные бочонками и ящиками, тянувшиеся за коляской. Вид груза произвел еще приятнейший эффект на капитана, который был сам один из владельцев парохода. Он рассыпался в предложениях своих услуг, обещая окружить свою новую пассажирку всеми удобствами, каких только она может пожелать.

– Я должна сделать с вами одно условие, капитан, – продолжала прелестная дама, все оставаясь в коляске.

– Извольте сказать.

– Говорят, что ваш пароход будет иметь бег с другим пароходом. Если это правда, я не могу быть вашей пассажиркой.

Капитан смутился.

– Мне уже случилось раз подвергаться опасности, – продолжала дама, – и я решила вперед не рисковать.

– Милостивая государыня, – пробормотал капитан и остановился.

– О! если вы не можете обещать мне, что бега не будет, я должна ждать другого парохода.

Капитан повесил голову. Он, очевидно, размышлял какой дать ответ. С одной стороны, отказаться от удовольствия бега, от победы, на которую он надеялся и от ее важных последствий, показать, будто боится попробовать быстроту своего парохода. Боится, что он будет побежден, подать своему сопернику случай для хвастовства и поставить себя в незавидном свете и в глазах своего экипажа и пассажиров, которые все ожидали бега. С другой стороны, отказаться от просьбы дамы – довольно основательной просьбы, особенно когда эта дама владелица большого груза и богатой плантации на «Французском берегу» и может не один раз прислать несколько сот бочонков сахару и табаку на его пароход; эти соображения, вероятно, перевесили все другие, потому что

капитан после небольшой нерешимости согласился на просьбу дамы, не совсем любезно, однако. Это, очевидно, стоило ему борьбы, но интерес одержал верх.

- Соглашаюсь на ваше условие. Пароход не будет держать бега. Даю вам обещание.

- Assez! благодарю! Я очень вам обязана, капитан. Будьте так добры, прикажите взять мой груз. Коляску тоже. Этот господин - мой управляющий. Сюда, Антоан! Он за всем присмотрит. Когда вы отправляетесь, капитан?

- Через четверть часа, не позже.

- Вы в этом уверены, mon capitaine? - осведомилась она со значительной улыбкой, выражавшей, что ей было известна неаккуратность пароходов.

- Совершенно уверен, - возразил капитан, - можете положиться.

- А! если так, я сейчас взойду на пароход.

Говоря таким образом, она легко сошла со ступенек подножки и подала руку капитану, который вежливо проводил ее в дамскую каюту, к великому сожалению восхищающихся глаза, не только моих, но и множества других, любовавшихся на это прелестное явление.

Глава V

АНТОАН УПРАВИТЕЛЬ

Я был очень поражен наружностью этой дамы, не столько из-за ее физической красоты - хотя она была очень замечательна - сколько видом, отличавшим ее. Мне было бы трудно описать, в чем заключался этот вид; в ней что-то показывало мужество и самообладание, живость сердца Веселаго как лето, но способного, в случае надобности, выказать удивительную смелость и силу. Эту женщину можно было назвать красавицей во всякой стране, но с ее красотой соединялось изящество и в одежде и в обращении, показывавшие, что она

привыкла и к обществу и к свету. Ей казалось не более как лет двадцать. Впрочем, Луизиана климат преждевременный и креолка в двадцать лет могла бы считаться в Англии десятью годами старше.

Замужняя ли была она? Я не мог этого думать; кроме выражений «моя плантация» и «мой управитель», которые не сказала бы дама, имеющая «кого-нибудь» дома, если только этот кто-нибудь не стоял так низко в ее мнении, что считался «ничем». Она могла быть вдова – вдова очень молодая – но даже и это не казалось мне вероятным. В ней не было развязности вдовы в моих глазах, и ни в ее одежде, ни в ее наружности не было ничего похожего на траур. Капитан называл ее *madame*, но он, очевидно, был незнаком ни с него, ни с французским диалектом.

Как я ни был неопытен в то время – новичок, как сказали бы американцы – я был довольно любопытен на счет женщин, особенно хорошеньких. Мое любопытство в настоящем случае подстрекалось разными обстоятельствами: во-первых, привлекательною миловидностью этой дамы; во-вторых, ее разговором, и теми обстоятельствами, которые она обнаруживала в нем; в-третьих тем, что она была, как мне казалось, креолкой.

Я имел еще мало сношений с людьми этой особенной породы, и мне любопытно было узнать их короче. Я нашёл, что они вовсе не с готовностью растворяют двери иностранцам, особенно старинное креольское дворянство, которое даже и теперь смотрит на своих англо-американских соседей, как на незваных гостей и самозванцев! Это чувство одно время было глубоко вкоренено. Со временем, Впрочем, оно исчезнет.

Четвертая статья, подстрекавшая мое любопытство, заключалась в том, что эта дама, мимоходом посмотрела на меня с особенной проницательностью. Не осуждайте меня слишком опрометчиво за это объявление. Выслушайте меня прежде. Я ни минуты не воображал, будто этот взор выражал восторг. Я не имел подобных мыслей. Я был слишком молод в то время, чтобы льстить себя подобными фантазиями. Кроме того, именно в это время, я был в довольно унылом расположений духа, у меня было всего пять долларов в кармане; как мог я вообразить, чтобы блистательная красавица – звезда первой величины – богатая владетельница, имевшая плантацию, управителя и кучу невольников, могла удостоить своим восторгом такого одинокого беднягу, каким был я?

Право, я не льстил себя подобными мыслями. Я полагал, что это было простое любопытство с ее стороны – ничего более. Она видела, что я был не ее породы. Цвет моего лица, моих глаз, покроем моей одежды, может быть даже что-то неловкое в моем обращении, говорили ей, что я был иностранец, и это возбудило ее интерес на минуту.

Однако это подстрекнуло мое любопытство, и мне захотелось узнать, по крайней мере, имя этого замечательного создания.

«Управитель, – подумал я, – может помочь мне», и я обратился к нему.

Это был высокий, седоволосый, долговязый, старый француз, хорошо одетый, и настолько почтенной наружности, что мог бы быть принят за отца этой дамы.

Я увидел, когда приблизился к нему, что, мол надежда была напрасна. Наш разговор был очень краток, ответы его лаконические.

– Милостивый государь, могу я спросить, кто ваша госпожа?

– Благородная дама.

– Это может сказать всякий, кто имел счастье взглянуть на нее в первый раз. Я спрашиваю об ее имени.

– Зачем вам знать его?

– Разве это секрет?

Старик что-то пробормотал и отвернулся от меня, без сомнения проклиная меня мысленно за то, что я вмешиваюсь не в свое дело.

Имя, однако, я узнал вскоре из самого неожиданного источника. Я воротился в лодку и опять сел под тент, смотря на лодочников, которые, засучив свои красные рукава, своими загорелыми руками таскали груз на пароход. Я видел, что этот груз был тот самый, который везли на телегах, то есть принадлежал этой даме. Он состоял по большей части из бочонков со свининой и мукой, из множества сухих окороков и мешков с кофе.

– Провизия для ее огромного хозяйства, – думал я.

Несколько разных вещей несли на пароход в эту минуту. Тут были кожаные чемоданы, дорожные мешки, шкатулки, картонки для шляп, и тому подобное.

– Это ее поклажа, – опять я рассуждал сам с собой, продолжая курить сигару.

Глаза мои внезапно упали на билет, прибитый к кожаному чемодану. Я вскочил, и когда его спускали по лестнице, я прочел:

Mademoiselle Eugenie Besanson.

Глава VI

ОТПРАВЛЕНИЕ

Последний колокольчик зазвонил; лестница снята; канат притянут на палубу; машина засвистела; колеса завертелись, вспенивая воду, и огромный пароход выплыл на середину реки, между живописных берегов Миссисипи.

Я сказал «живописных». Это слово меня не удовлетворяет, да я и не могу придумать никакого, которое выразило бы мою мысль. Я должен употребить фразу «живописно-прелестных» для выражения моего восторга к местоположению этих берегов. Без малейшей нерешимости провозглашаю их прекраснейшими во всей вселенной.

Я смотрю на них не простым холодным взглядом. Я не могу отделить местоположение от воспоминаний, соединяющихся с ним, воспоминаний не о прошлом, а о настоящем. Я смотрю на разрушенные замки Рейна, и история их внушает мне чувство отвращения к тому, что было. Неаполитанский залив внушает мне подобное же чувство.

Здесь, на берегу этой величественной реки, я вижу богатство в широких размерах, комфорт. Здесь, почти в каждом доме, встречаю я утонченный вкус

цивилизации, гостеприимство щедрых сердец, соединенное с возможностью оказывать его. Вдруг мрачная тень пробегает мимо глаз моих, сердце вдруг пронзает внезапная боль. Это тень человеческого существа с чёрной кожей. Она невольник!

С минуту или две все местоположение помрачилось! Чем здесь восхищаться, на этих полях золотисто-сахарного тростника, волнующегося сарачинского пшена, или белоснежно-хлопчатой бумаги? Чему удивляться в этих огромных замках, с их оранжереями, с их цветниками, с их тенистыми деревьями, с их прелестными боскетами? Все это орошено потом невольников.

Ах! как приятно забыть эти тягостные места, и просто любоваться природою. Какое наслаждение рассматривать разные формы, представляющиеся глазам моим на берегах этой великолепной реки! и даже теперь, когда мечтаю о них далеко, далеко, и, может быть, никогда более не увижу их, меня утешает верная память, волшебно вызывающая перед глазами души моей их яркий, изумрудный и золотистый колорит!

Глава VII

ЭЖЕНИ БЕЗАНСОН

Я не забыл Эжени Безансон. Время от времени ее гибкая фигура мелькала перед моим воображением. С любопытством отправился я в каюту взглянуть на эту интересную особу.

Дверь в дамскую каюту была заперта, и хотя в главной каюте было несколько дам, креолка не находилась в их числе. Дамская каюта – место священное, куда холостяки впускаются только когда пользуются счастьем иметь там знакомую, и то в известные часы.

А из ста пассажиров, находившихся на пароходе, я не знал ни души, ни мужской, ни женской, и имел счастье или несчастье равномерно быть неизвестным им. При подобных обстоятельствах, мой вход в дамскую каюту был бы принят за дерзость; и я сел в главной каюте, и занялся изучением физиономий моих

спутников.

Тут была всякая всячина: богатые купцы, банкиры, комиссионеры из Нового Орлеана, с женами и дочерьми, спешившие, по обыкновению, убежать от жёлтой лихорадки в какое-нибудь место с модными купаньями. Были тут и плантаторы хлопчатой бумаги и пшеницы, возвращавшиеся домой из верхних городов. Были тут и креолы, старые виноторговцы из французского квартала, со своими семьями. Были и богато одетые джентльмены, в чистейшем белье и тончайшем сукне, с брильянтовыми пуговицами на манишке, и с толстыми кольцами на пальцах.

Между ними я заметил человека, который громко вызывал меня на пари о беге пароходов. Он прошёл мимо меня несколько раз, бросая на меня вовсе не дружелюбные взгляды.

Приятель мой, управитель, сидел тоже в главной каюте.

Вы не должны предполагать, что его должность лишала его преимущества занимать первую классную каюту. На американском пароходе нет «второклассной главной каюты». Такое различие неизвестно на Миссисипи.

Управители плантаций обыкновенно люди грубого и жестокого характера. Самая их должность делает их такими. Этот француз, однако, казался исключением. Он имел вид очень почтенного старика. Мне нравилась его наружность, я даже заинтересовался им, хотя он, казалось, вовсе не платил мне взаимностью.

Кто-то пожаловался на комаров, и посоветовал отворить дверь в дамскую каюту. Это подхватили многие другие, и дамы и мужчины. Обратились к капитану. Он дал позволение, и ворота пароходного эдема растворились. Результатом был порыв воздуха, который пронёсся по главной каюте, и через пять минут не осталось ни одного комара. Это было большим облегчением.

Двери дамской каюты оставались отворенными, это было приятно для всех, но особенно для щегольски одетых джентльменов, которым видна была вся внутренность гарема. У некоторых, казалось, были там знакомые, хотя недостаточно короткие, чтобы дать им право войти. Другие надеялись познакомиться, если представится случай. Я уловил выразительные взгляды, а иногда улыбку. Много приятных мыслей передаются без слов. Язык часто

разочаровывает. Я знал, что он испортил много любовных планов, безмолвно задуманных.

Меня забавляла эта немая пантомима, и несколько минут я смотрел на лес. Глаза мои, время от времени, устремлялись в дамскую каюту отчасти из простого любопытства. Я имел привычку к наблюдению. Все новое интересовало меня, а эта каютная жизнь, на американском пароходе, была совершенно нова для меня. Я желал изучить ее. Я желал также взглянуть еще раз на молодую креолку Безансон.

Мое желание, наконец, исполнилось. Я увидел ее. Она вошла в главную каюту грациозно и весело. Теперь она была без шляпки, и ее великолепные волосы были зачесаны *a la chinoise*. Эта креольская мода очень шла к ее благородному лбу и гибкой шее. Белокурые волосы при белизне лица, хотя редко, однако иногда встречаются у креолок. Но обыкновенно они смуглы и с чёрными волосами, так что Эжени Безансон была замечательным исключением.

Черты ее выражали веселость, однако нельзя было не заметить, что под этой легкомысленной оболочкой скрывалась твердость характера. Фигура ее была выше критики, а лицо, хотя красоты не выразительной, привлекало внимание необыкновенной миловидностью.

Она, очевидно, знала некоторых пассажиров, по крайней мере, разговаривала с ними с непринужденной свободой. Женщины редко выказывают замешательство между собою, француженки же никогда.

Я заметил, что ее каютные спутницы смотрели на нас с уважением. Может быть, они уже узнали, что красивая карета с лошадьми принадлежала ей. Это было очень, очень вероятно!

Я продолжал смотреть на эту интересную даму. Девушкой я назвать ее не мог, потому что хотя она была довольно молода, она имела вид опытной женщины. Она выказывала совершенную непринужденность и развязность во всем.

«Какой беззаботный вид, – думал я. – Эта женщина не влюблена!»

Не знаю, зачем я делал эти размышления, и даже почему эта мысль была приятна мне. Почему? Эта дама не была для меня ничем, она была гораздо выше

меня. Я едва осмеливался глядеть на нее. Я считал ее каким-то высшим существом. Притом, через час наступит ночь, а она должна сойти на землю ночью; я никогда не увижу ее опять! Однако я буду думать о нем час или два, может быть целый день, тем более, чем более теперь просижу, смотря на лес! Я сам сплел для себя сети, сам навлекаяю на себя тоску, которая может продолжиться еще несколько времени после ее отъезда.

Я решился удалиться от ее чарующего влияния, бросить последний взгляд на прелестную креолку и уйти.

Именно в эту минуту она бросилась на длинное кресло, обнаружив всю гибкость своего стана. Она сидела теперь прямо против меня, и глаза ее в первый раз остановились на мне. Боже! она смотрит на меня, так же как и прежде! Что значит этот странный взгляд? эти сверкающие глаза? Пристально оставались они устремленными на меня несколько минут.

Я был слишком молод, чтобы понять выражение этих глаз. Я мог бы объяснить его впоследствии, но не тогда.

Наконец она встала с кресла с видом беспокойства, как будто недовольная собою или мной, и ушла в свою каюту. Чем я оскорбил ее? Кажется ни словом, ни взглядом, ни движением. Я не говорил ни слова, я не шевелился, а мои робкие взгляды уже наверно не показывали грубость.

Меня очень удивило поведение Эжени Безансон. И в полной уверенности, что я никогда не увижу ее более, я вышел из каюты на палубу.

Глава VIII

НОВЫЙ СПОСОБ УВЕЛИЧИВАТЬ ПАРЫ

Время клонилось к закату; великолепное солнце спускалось за темный кипарисовый лес, опоясывающий западный горизонт, и желтоватый блеск падал на реку. Прохаживаясь взад и вперед по палубе, я с восторгом смотрел на эту великолепную сцену.

Моя мечтательность была прервана. Я увидел, что за нами быстро шел огромный пароход. Густой дым и красные искры показывали, что он идет на всех парах. По всему было видно, что это пароход первоклассный. Действительно, это была «Магнолия». Она шла очень проворно, и я скоро приметил, что она быстро догоняет нас.

В эту минуту до слуха моего долетали разнообразные звуки из каюты, громкие голоса, топанье ногами, и восклицание женщин.

Я понял, что это значит. Приближение соперника парохода было причиной этой суматохи.

До сих пор о беге пароходов почти совсем забыли. Между пассажирами разнеслось, что капитан не намерен «бежать», и хотя это сначала громко порицали, по экипаж занялся своей работой – картежники своими картами – и все пассажиры вообще, иди своими чемоданами или газетами. Так как другой пароход отправлялся не в одно время с нами, так как его до сих пор не было видно, то и соперничество было забыто.

Появление Магнолии произвело внезапную перемену. Игроки швырнули карты в надежде, что будут пари поинтереснее; читающие закрыли книги и отложили в сторону газеты; убиравшие в своих чемоданах захлопнули крышки, все выбежали из кают и столпились на палубе. Я сошёл в главную каюту, она была пуста. Капитан стоял под тентом. Его окружала толпа пассажиров, которые уговаривала его «прибавить паров». Капитан не соглашался. Но к нему приставали со всех сторон, упрашивая «ради Бога не дать Магнолии перегнать нас».

– Если Красавица, – кричал один, – отстанет, ей не придется опять ходить по этой реке.

– Конечно! – прибавил другой, – я уж в следующий раз непременно поеду на Магнолии!

– Магнолия самый скорый пароход! – заметил третий.

Дамы так же интересовались бегом, как и мужчины. Я слышал, как многие выражали желание, чтобы бег состоялся. Все забывали об опасности; и мне

кажется, что если бы в эту минуту стали собирать голоса, то едва ли оказалось бы три голоса против бега. Признаюсь, я сам подал бы голос за бег, я заразился общею заразой и забыл об опасности.

Волнение увеличилось при приближении Магнолии. Было очевидно, что через несколько минут она перегонит нас. Эта мысль была нестерпима для некоторых пассажиров; слышались гневные восклицания. Бедный капитан должен был переносить все это – только он один был против бега.

Магнолия уже подходила к нам и, очевидно, приготовлялась обогнать нас!

Экипаж ее деятельно суетился; оба лоцмана стояли у руля, густой дым валил из трубы, можно было подумать, что на ней пожар!

– Они сжигают окорока! – закричал чей-то голос.

– Смотрите! – вскричал другой, – какая грудa окороков лежит у печки!

Я повернул глаза в ту сторону. Это было справедливо. Целая пирамида каких-то темных предметов лежала на палубе. Их величина, форма и цвет показывали, что это были окорока. Кочегары брали их из груды и бросали в красную раскаленную печь!

Магнолия все к нам приближалась. Уже нос ее поравнялся с рулем Красавицы. У нас увеличились волнение и шум.

Насмешки пассажиров на Магнолии раздували еще пламя, к капитану опять пристали, и даже угрожали ему насилием!

Магнолия продолжала приближаться. Она поравнялась с нами. Прошла еще минута – минута глубокого безмолвия – экипаж и пассажиры на обоих пароходах были так внимательно заняты, что не находили слов для выражения. Еще минута – и Магнолия нас обогнала!

Торжествующий крик раздался с палубы Магнолии.

– Молодец Магнолия! Дрянь Западная Красавица! Старая баба! – ревели на палубе Магнолии среди громкого хохота.

Не могу описать досады на нашем пароходе. Не только офицеры и экипаж, но все пассажиры разделяли это чувство. Я сам заразился им, даже более, нежели считал бы это возможным.

И экипаж и пассажиры находили, что благоразумие капитана неблагоразумно, и общий крик «стыдно!» слышался по всему пароходу.

Бедный капитан! Я не спускал с него глаз. Мне было жаль его. Я был, может быть, единственный пассажир на пароходе, кроме прелестной креолки, знавшей его тайну, и не мог не восхищаться его рыцарской твердостью, с какой он скрывал ее. Я видел, как щеки его покраснелись, а глаза сверкали от досады, и я был уверен, что если бы это обещание взяли от него теперь, то он не дал бы его даже за привилегию везти весь груз на своем пароходе.

Я видел, как он прошёл в дамскую каюту, вероятно для того, чтобы избавиться от докучливости, осаждавшей его со всех сторон. Там к нему пристали пассажирки. Одни со смехом угрожали ему, что они никогда более не поедут на его пароходе; другие обвиняли его в недостатке любезности. Невозможно было устоять против подобных нападков. Я пристально смотрел на капитана, ожидая кризиса. Кризис был под рукой.

– Милостивые государыни! – обратился он, наконец, к дамам, – ничто не доставило бы мне более удовольствия как исполнить ваше желание, но до отъезда из Нового Орлеана, я дал обещание – даже честное слово одной даме...

Тут его прервала молодая девушка, которая прибежала крича:

– О! капитан, любезный капитан! не позволяйте этому гадкому пароходу перегнать нас! прибавьте паров и перегоните Магнолию – пожалуйста, любезный капитан!

– Как! – возразил капитан с удивлением, – ведь я дал вам обещание...

– Да! – вскричала Эжени Безансон, – это была она – но я забыла. О! любезный капитан, я снимаю с вас это обещание. Увы! надеюсь, что еще не поздно. Ради Бога, постарайтесь обогнать ее! Послушайте, как эти негодяи дразнят нас!

Лицо капитана просияло на минуту, потом вдруг приняло опять раздосадованное выражение. Он отвечал:

– Хотя я признателен вам, но с сожалением должен сказать, что я не могу поддерживать успешный бег против Магнолии. Она топит окороками, которых у нее большой запас, но обещав вам не бежать, я, разумеется, не взял окороков с собой. Бесполезно решиться на бег с обыкновенными дровами, если только Красавица не скорее на ходу, а это нам неизвестно, так как мы еще никогда не пробовали всех паров.

– Окорока! – вскричала Эжени Безансон, – вы сказали окорока, любезный капитан? Довольно будет двухсот?

– О! еще менее, – отвечал капитан.

– Антоан! Антоан! – обратилась Эжени к старому управителю, – сколько окороков взято с нами?

– Десять бочонков, – отвечал управитель, почтительно кланяясь.

– Десять бочонков! этого будет довольно, я полагаю? Любезный капитан, они к вашим услугам.

– Я заплачу за них, – отвечал капитан, – просияв и заразившись общим энтузиазмом.

– Нет! нет! нет! Пусть издержка будет моя. Я вам помешала. У нас в окороках недостатка нет. Антоан! отдайте бочонки кочегарам! Капитан, сделайте с окороками, что хотите, но не позволяйте этой гадкой Магнолии обогнать нас! Послушайте, как они кричат! Но мы еще обгоним их.

И креолка бросилась на палубу, а за нею толпа поклонников.

История об окороках скоро разнеслась по всему пароходу. Громкие крики приветствовали молодую девицу, которая давала средства победить Магнолию, уже наслаждавшуюся своим триумфом, и значительно нас опередившую.

Все руки принялись за работу – катили бочонки, раскрывали их и бросали окорока в горящую печь. Железные стены скоро раскраснелись, пары поднялись, пароход затрясся от ускоренного действия машины, колеса завертелись быстрее, и настала тишина. Слышались только изредка восклицания – выражение мнения насчет скорости обоих пароходов, делались пари, а иногда намекали на историю об окороках.

Время от времени, глаза всех устремлялись на воду, с нетерпением глядя на линию, разделявшую пароходов-соперников.

Глава IX

БЕГ НА МИССИСИПИ

Совсем стемнело. На небе не было ни луны, ни звезд. Ясное небо над нижней областью Миссисипи бывает редко ночью.

Однако было довольно светло для бега. Жёлтая вода сияла. Легко было различить ее от земли. Путь был широкий и лоцманы на обоих пароходах знали каждую мель в реке.

Пароходы-соперники были видны один другому. Не надо было навешивать фонари, но окна обеих кают были освещены, а пламя от горящих окороков бросало яркий свет на воду.

На каждом пароходе можно было видеть зрителей другого парохода, выглядывавших из окон кают, или облокотившихся на борт, в позах, показывавших их интерес.

В то время когда на Красавице прибавили паров, Магнолия опередила ее уже на полмили. Это расстояние ничего не значит там, где есть большая разница в

скорости хода, но с ним нелегко поравняться, когда скорость парохода одинакова. Прошло много времени, однако, прежде чем мы могли удостовериться, догоняет ли Красавица свою соперницу, пассажиры делали вопросы экипажу, и догадки беспрестанно повторялись об этом интересном вопросе.

Наконец капитан уверил нас, что мы уже выиграли несколько сот ярдов. Это произвело общую, хотя не всеобщую радость, потому что на Красавице находились такие дурные патриоты, которые рискнули своими долларами за Магнолию.

Через час стало ясно для всех, что наш пароход догоняет Магнолию. Нас разделяла только четверть мили. Случай не пропустили отплатить магнолианцам за хвастовство. Насмешки и угрозы возвращались к ним с лихвой.

– Есть у вас какое-нибудь поручение в Сен-Луи? Мы едем туда и с удовольствием отвезем, – кричал один.

– Да здравствует Красавица! – ревел другой.

– Не вышли ли у вас окорока? – спрашивал третий. – Мы можем дать вам несколько, если у вас нет.

Время приближалось к полночи, и ни одна душа на пароходе не думала идти спать. Интерес бега преодолел сон, и мужчины и женщины беспрестанно выходили из кают посмотреть на успех. Волнение новело к пьянству, и я заметил, что многие пассажиры уже порядком напились. И офицеры, и капитан также подражали им, осторожность исчезла с парохода.

Среди глубокой, полуночной темноты летели пароходы. Только двести ярдов разделяло Красавицу от Магнолии. Менее чем через десять минут она перегонит Красавицу! а через двадцать крики победы разносятся с ее палубы до берегов!

Я стоял возле капитана, смотря на него не без озабоченности. С сожалением видел я, что он так часто ходит в буфет.

Он подошёл к рулю и начал смотреть вперед. Огни сверкали на правом берегу реки, за милю от нас. Увидев их, он вздрогнул и вскричал:

- Это Бренжье!

- Да, - отвечал лоцман. - Скоро же мы добрались до него.

- Великий Боже! я должен бросить бег.

- Как? - спросил лоцман, не понимая его, - какое имеет это отношение?

Я должен здесь остановиться. Я должен - должен - должен высадить ту даму, которая дала нам окорока!

- Жаль! - возразил флегматически лоцман. - Но если уж надо, так надо. Экое несчастье! А мы обогнали бы Магнолию через четверть часа. Экое несчастье!

- Надо бросить, - сказал капитан. - Повороти.

Сказав это, он поспешил вниз. Присмотрев его волнение, я пошел за ним.

Между дамами, находившимися в каюте, была креолка.

- Мы все-таки должны отказаться от бега, обратился к ней капитан.

- Почему? - спросила она с удивлением, - разве окороков было не довольно. Антоан! вы отдали все?

- Нет, не то, - отвечал капитан, - не эта причина, благодаря вашему великодушию. Вы видите эти огни?

- Да - так что ж?

- Это Бренжье!

- О! неужели, неужели?

– Да – и вам надо выйти здесь.

– И таким образом вы должны отказаться от бега?

– Конечно.

– Так, разумеется, я здесь не выйду. Что для меня значит один день? Я не так стара, чтобы пожалеть один день. Ха-ха-ха! Вы не откажетесь от вашего бега, и от репутации вашего прекрасного парохода из-за меня. Не думайте о том, чтобы останавливаться для меня, любезный капитан! Везите меня дальше. Я могу воротиться утром!

Громкие крики приветствовали эти слова, и капитан, бросившись к лоцману, отменил свое последнее приказание.

Красавица летит вперед, нагоняя свою соперницу. Ближе и ближе подвигается она – наконец они рядом!

Она впереди – капитан махает шляпой – и раздаются крики торжества!

Едва первые звуки этих криков разнеслись в полночном воздухе, как их прервал взрыв, потрясший воздух, воду и землю! Обломки дерева, люди полетели кверху, дым наполнил воздух, и дикий крик отчаяния раздался в темноте ночной!

Глава X

СПАСИТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД

Потрясение, не похожее ни на что о чем я слышал, показывало свойство катастрофы. Я тотчас убедился, что котел лопнул: так оно и было.

В эту минуту я случайно держался за регели – а то и я полетел бы вместе с другими.

Сам не зная, что я делаю, я бросился в главную каюту. Там я остановился и огляделся вокруг. Вся передняя часть парохода покрыта дымом, и уже горячий пар пробивался в каюту.

Опасаясь сгореть, я бросился на палубу, но по счастливой случайности пароход шёл кормою к ветру, который разносил прочь эту опасную стихию.

Машина молчала, колеса перестали вертеться, труба не бросала уже искр, но зато крики людей, ругательства, проклятия, пронзительные крики женщин, стоны раненых и утопавших – все страшно раздавалось в ушах.

Дым отчасти рассеялся, и я мог рассмотреть переднюю часть парохода. Совершенный хаос поразил мои глаза. Буфет со своими принадлежностями, тент, штурборд с рулем были снесены, а огромные железные трубы повалились на палубу! С первого взгляда убедился я, что капитан, лоцманы, все, кто только находился на этой части парохода, должны были погибнуть!

Разумеется, подобные размышления пробежали в голове моей с быстротой молнии. Я чувствовал, что я был не поврежден, и первая естественная мысль моя была о сохранении моей жизни. У меня осталось настолько присутствия духа, чтобы сознавать, что нечего, опасаться второго взрыва, но я заметил, что пароход был поврежден до такой степени, что наклонился на один бок. Как долго будет он плавать?

Едва я задал себе этот вопрос, как мне дам был ответ, голосом, закричавшим с ужасом:

– Великий Боже! пароход идет ко дну!

Это известие сопровождалось криком «пожар!» и в ту же минуту яркое пламя взвилось к небу!

Мысли оставшихся в живых обратились на Магнолию. Я взглянул на этот пароход, и увидел, что он старается всеми силами обогнать нас, но был еще за несколько сот ярдов! Вследствие того, что Красавица повернула несколько к Бренжье, оба парохода, хотя были рядом в минуту взрыва, однако были отделены один от другого широкою полосой воды. Магнолия казалась от нас за четверть мили, и было очевидно, что довольно много времени должно пройти,

прежде чем она подоспеет к нам. Продержится ли Красавица так долго?

С одного взгляда я убедился, что это невозможно. Я чувствовал, как она опускается под моими ногами мало-помалу, и пламя уже угрожало задней части парохода, пожирая главную каюту с такою быстротой, как будто она была изогляна! Нельзя было терять ни минуты: мы должны были непременно или броситься добровольно в воду, или пойти ко дну с утопающим пароходом или сгореть. Одно из трех было неизбежно!

Вы, может быть, вообразите, что я находился в чрезвычайном ужасе в эту минуту? Однако это было не так. Я нисколько не опасался за свою безопасность, не оттого, чтобы я имел необыкновенное мужество, но просто потому, что я доверял моим ресурсам. Хотя порядочно беззаботный по характеру, я никогда не был фаталистом. Я не раз спасал мою жизнь присутствием духа и ловкостью. Зная это, я освободился от суеверия и фатализма, и принимал предосторожности против опасности.

В моем чемодане я всегда возил с собою спасительный снаряд. Обвязать его вокруг тела – дело одной минуты, а с ним нечего бояться плыть по самой широкой реке, и даже в море. Вот что, а совсем не необыкновенное мужество поддержало меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/mayn-rid-8671969/kvarteronka/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/mayn-rid/kvarteronka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)